

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ
И МОДЕРНИЗАЦИЯ ИДЕОРЕЧЕВОГО ЦИКЛА /
LINGUISTIC LIBERALISM AND THE MODERNIZATION
OF THE IDEA-SPEECH CYCLE

[Наталья ХАЛИНА](#)

профессор, доктор филологических наук
(Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия)
nkhalina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2478-5669>

Abstract

Liberal modernization of cycle in Russia after the President's elections in 2008 consists of government influence on communicative process with different information spheres. The principles of linguistic liberalism modify the language consciousness and form the technological attitude to the Russian word and Russian language as it is. There are several forms of government communication with the Russian language speaker based on the principles of the linguistic liberalism: 1) language management priority (not the language culture); 2) the introduction of the new language frame based on the system of transition; 3) item language invention as the basic one that needs special utterances and belief; 4) functional distribution of the linguistic mind through the distribution of the badly consciousness; 5) the expansion of the social demand on the communication form and the linguistic sign.

Keywords: *modernization, elections, liberalism, speaker, social demand, communication*

Rezumat

După alegerile președintelui rus din 2008, modernizarea liberală a ciclului ideoverbal în Rusia este pusă în dependență directă de guvern. Principiile liberalismului lingual condiționează modificarea limbii ruse și luarea unei atitudini „tehnologice”, față de ea. În acest caz, la baza procesului comunicativ sunt puse diferite principii ale liberalismului lingual: 1) prioritatea managementului lingual asupra culturii linguale; 2) acceptarea unei noi structuri a limbii, bazată pe sistemul de tranziție; 3) acceptarea unor forme linguale cu un alt contur expresiv și conținutal; 4) echivalarea funcțională a „simțului” lingual cu o „conștiință” falsă; 5) creșterea cererii sociale în forme de comunicare și semne noi.

Cuvinte-cheie: *modernizare, alegeri, liberalism, vorbitor, cerință social, comunicare*

Полный идеоречевой цикл, описывающий путь от «смысла к слову», от коммуникативного замысла до стилистической обработки текста, включает идеологический анализ темы речи (инвенцию), ее композиционное развертывание (дислокацию), этап собственно вербализации (элокуцию). Модернизация государственной политики в России после выборов президента 2008 г., ориентированная либеральными тенденциями, неизбежно оказывает влияние на российский идеоречевой цикл

начала третьего тысячелетия. Существо либеральной модернизации идеоречевого цикла состоит в использовании при композиционном развертывании инвенции – дислокации – теории значения, которая, как считает У. В. О. Куайн (Куайн, 2003), включает, помимо понятия значения, понятия синонимии (сходство значения), значимости (обладание значением), аналитичности (истинность посредством значения) и следования (аналитичность условных высказываний).

Особо актуально в контексте эпистемических установок лингвистического либерализма понятие значимости, или обладания значением, как конституирующее в онтологии неолиберализма новейшей российской истории.

Начало XXI века, как отмечает М. Кастельс (Castells, 2000), характеризуется конституированием нового типа общества – сетевого, характеризуемого, с одной стороны, средствами преобразования знаний в информационный ресурс общества – единство знания и информации, с другой стороны, – средствами реализации социальных технологий и преобразования их в социально-информационные технологии, которые непосредственно могут использоваться в системах государственного и общественного самоуправления.

Одним из локусов реализации информационных технологий являются средства массовой информации, превращающие культуру в систему имиджей и символов, которые составляют особый «синтетический мир». Этот мир располагает своим временем и пространством, географией, этнографией, которые подчинены институциональным целям и правилам консенсусной морали, которые требуют стабилизации тенденций лингвистического либерализма.

Лингвистический либерализм следует рассматривать как функцию лингвистического разума, ориентированного в своей деятельности, прежде всего интуицией, или, согласно точке зрения физиолога К. Перта, искусством вслушивания ушами души в мелодии и ритмы, которые поминутно рождает тело (Гелб, 2000). В качестве пакетного понятия постнеклассического философствования «тело» отражает следствия процесса утраты культурой как таковой центрации на Слово. В рамках постмодернистской парадигмы телесность реализует функции ментальности: применительно к процедуре осмысленного опытного содержания: телесность приобретает статус «внутреннего», а ментальность – «внешнего» ракурса. Согласно М. Мерло-Понти, тело следует рассматривать как непосредственное человеческое бытие – бытие сознания, укорененность в мире, то, благодаря чему, человек может иметь мир и принадлежать ему (Merleau-Ponty, 1960).

Результаты «вслушивания» в мелодии и ритмы тела, позволяют постичь законы овладения мира и таким образом укорениться в этом мире. Языковедческой тактикой в современных обстоятельствах жизни, ритмизирующей существование интенций «понятого» тела и интенций сетевого общества следует признать лингвистический либерализм, который (если при его интерпретации руководствоваться идеей коммуникативной телесности Р. Барта (Барт, 1989): а) открывает пользователя языка, желающего чтения текста, возможность быть другим; б) обеспечивает пользователя языка другим его телом; в) предлагает технику чтения событий, выбор которой и есть процедура выбора другого тела.

Выбор другого «тела» означает выбор иной – «либеральной» – формы языкового существования для пользователя русского языка. Средой бытования канонической формы русского языка является славянская фраза – особая структура, описывающая и регулирующая особенности существования в пространстве резонансного взаимодействия мыслительных культур, которые организуют когерентный дискурс «Славяне».

Понятие «пользователь языка» в статье Фр. Данеша и С. Чмейрковой появляется в контексте рассуждений о языковой экологии, предметом которой становится языковая вариативность «рассматриваемая через призму отношения к среде, в которой она происходит» (Данеш и др., 1994, с. 27). Авторы обращают также внимание на актуальное для середины 90-х годов XX в. понятие «языкового менеджмента», отдаленно соответствующее традиционному для чешской лингвистики понятию «языковая культура» и подчеркивающее, что в жизни языков важны не только факторы культурные, но и политические и экономические (при приоритете политики и экономики).

Когда мы касаемся проблемы лингвистического либерализма, то более ценностной (аксиологически значимой) представляется лингвистическая идеология Р. Карнапа (Карнап, 2007), одной из составляющих которой является рассмотрение проблемы абстрактных объектов – свойств, классов, отношений, чисел, суждений и пр. Проблематичность взаимодействия с последними обусловлена тем, что принятие новых объектов выражается в языке, как считает Р. Карнап, введением нового языкового каркаса – новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил.

Социально-административные изменения, влекущие за собой неизбежно и модификацию языкового «курса» государства, в завершении первого десятилетия третьего тысячелетия в России сопряжены с введением нового языкового каркаса, новая группа правил которого представляет абстрактную модель асинхронных параллельных вычислений,

или в номинации Р. Келлера (Keller, 1975), именованную *систему переходов*. Именованная система переходов содержит множество состояний, бинарное отношение на этом множестве (множество переходов) и множество «имен» переходов (слов некоторого алфавита). Приоритеты нынешнего курса государственного строительства в лингвистическом плане связаны с поэтапно-цифровой сигнификацией идеологии действия, своеобразным формулированием положений философии абстрактного действия (например, *принцип четырех i (семиосфера экономики), шесть принципов Саркази-Медведева (семиосфера политики)*). Поскольку абстрактное действие по своим характеристикам подобно мнемосхеме – условному изображению планируемого процесса или результата, т.е. совокупности свойств и отношений, то правомерно отождествление абстрактного действия и абстрактного объекта.

Принятие новых абстрактных объектов требует, согласно Р. Карнапу: а) построения языкового каркаса для рассматриваемых новых объектов; б) признания фундаментального различия между двумя видами вопросов, касающихся существования или реальности объектов. Первый вид вопросов – вопросы о существовании определенных объектов нового вида *в данном каркасе*, называемых *внутренними вопросами*; второй вид вопросов – «вопросы, касающиеся существования или реальности *системы объектов в целом*, называемые “внешними вопросами” (Карнап, 2007, с. 300)». Вопросы внутренние и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений, т.е. с помощью выражений в данном каркасе.

Образцы ответов на внутренние вопросы, а следовательно, и новые формы выражений возможно обнаружить в журнале «Тайны звезд» (№ 37 (51) от 10 сентября 2008 года) в рубрике «Наш сериал» (Неизвестный Медведев). Так, в информационном блоке «Давайте разъясним вопрос насчет моего роста» вводится вещный язык дистрибуции (интерпретации) семантического поведения-существования нового абстрактного объекта «Президент» – семейства процессов: пространственно-временно упорядоченная система наблюдаемых вещей и событий. И. Толчева открывает рассматриваемый информационный блок следующим образом: «Пять месяцев как у нас новый президент. Но до сих пор мы задаемся вопросами: «Кто – он Дмитрий Медведев? Что за человек?» Ответы на поставленные вопросы, комплексно представленные вначале в названии сегментов информационного блока (“Я не чурбан”, “Я не злобный”, “Я не высокий человек, но...”, “Я не политическое животное”), получают соответствующую линейную развертку в непосредственных, атомарных переходах лексем-сем.

Иначе: номинации сегментов информационного блока представляют собой одновременно и слово – сигнал, согласно философии языка Аристотеля, обеспечивающий общение между людьми, и новую форму выражения, которая должна употребляться, согласно модальной логике Р. Карнапа, в соответствии с новой группой правил. Новая группа правил, которая действует при использовании приведенных номинаций – принцип 4-х I –, определяет новую форму выражения субъектно-предикатных отношений: операции над высказываемым, которое характеризуется Аристотелем как предельное сказуемое, категория (Попов и др., 1974). Поскольку частям речи в философии языка Аристотеля в соответствие ставятся логические категории, то осуществим ту же операцию над номинациями сегментов: операция над высказываемым Я-не – чурбан (существительное – логическая категория «сущность»), операция над высказываемым Я-не – злобный (прилагательное – логическая категория «качество»), операция над высказываемым Я-не – высокий человек, но (прилагательное + существительное + единица, не являющаяся частью речи – логическая категория «сущность» + «качество» + «не-категория»), операция над высказываемым Я-не – политическое животное (новая форма выражения (не часть речи), в соответствие которой ставится не логическая категория, как то должно быть, если следовать логике Аристотеля, а новая группа правил, в данном случае, оперирования лексико-семантическим континуумом русского языка, что не противоречит принципам семантике и модальной логики, в изложении Р. Карнапа).

«Признать что-либо реальной вещью или событием, - пишет Р. Карнап, - значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса... Принять мир вещей значит лишь принять определенную форму языка, другими словами, принять правила образования предложений и проверки, принятия или опровержения их. Принятие вещного языка ведет, на основе произведенных наблюдений, также к принятию и утверждению определенных предложений и к вере в них» (Карнап, 2007, с. 301-302).

Предложения вещного языка представлены в номинациях сегментов, информационных блоках (сериях) «В детстве я хотел жить среди динозавров» («Пугал учителей»; «Первые джинсы сшила мне... бабушка»; «Снился цветной телевизор») и «Мне пришлось выбирать между тюрьмой и аспирантурой» («Жениться или учиться?» «Провалился – потом наверстал»; «В тюрьму или аспирантуру?» «Написал 600 страниц»). В результате отображения языка комментария Д. А. Медведева к абстрактному объекту «Неизвестный Медведев» на язык семейства процессов «Прези-

дент» формируется модельный код, чтение или анализ которого по сути должно представлять процесс организации команд и кэш-памяти (наличная память). При этом возникает проблема, аналогичная проблеме в SMP-системах (симметричных мультипроцессорах – *symmetrical multiprocessing*), - проблема сохранения когерентности данных, т.е. «согласованных изменений содержимого кэшей и общей памяти, когда предотвращается использование копий данных в кэше какого-либо процессора, если они подверглись модификации в другом процессоре» (Топорков, 2004, с. 15).

Построение языковых каркасов для новых объектов, «мира новых вещей», создает основания укреплению тенденций лингвистического либерализма, который в исторической ретроспективе соотносим с лингвистическим перформансом и языковой компетенцией Н. Хомского (Хомский, 2004), и языковому конструированию бытия Ж. Дерриды (Деррида, 2000). Причем система способов конструирования бытия тождественна системе категорий. Таким образом, если подходить к построению языковых каркасов с позиций языкового конструирования бытия, то введение новых форм выражения предполагает параллельное введение системы категорий – системы представлений о самом объекте, что можно сказать о любом предмете высказывания (*жизнь среди динозавров, выбор между тюрьмой и аспирантурой*). В таком случае лингвистический либерализм предполагает не только множество переходов от означаемого к означающему, что ведет само по себе к «расшатыванию» корреляций между знаком и десигнатом (например, члены линейного ряда *от тюрьмы* и *от сумы* преобразуются в оппозицию *тюрьма – аспирантура*), но и формирование бытового (замещающего онтологическое значение) значения предельных сказуемых, или категорий, в терминологии Аристотеля. Подобное значения является функцией бадеино сознания.

В качестве основного положения теории бадеино сознания К. Поппер выделяет следующее: «Наше сознание – это бадья, поначалу более или менее пустая, и в эту бадью через наши органы чувств (сверху) проникает материал, который в ней собирается и переваривается» (Поппер, 2002, с. 67). Функция бадеино сознания развивается и стабилизируется у носителя естественного языка в ходе электоральных кампаний. Приоритетным способом взаимодействия с носителем языка, функционирующим в режиме бадеино сознания, следует признать реализацию распределенных программ – систему процессов, взаимодействующих посредством передачи сообщений, либо разделения общей памяти. Общая память, как и сознание носителя языка, обретает

статус масштабируемой среды, в котором происходит распределение вычислений – введение в язык языкового каркаса, или новых форм выражений, которые должны употребляться в соответствии с новой группой правил.

В связи с распределенностью в масштабируемых средах, как отмечает В. В. Топорков (Топорков, 2004), особый интерес представляют два аспекта: недетерминизм и неоднородность сообщений. Недетерминизм означает произвольные последовательности формирования компонентов структурированных данных. Неоднородность – это произвольность структурированности данных, которыми обмениваются взаимодействующие процессы. «Неоднородность сообщений означает, что процессы могут передавать и принимать данные порциями произвольных размеров» (Топорков, 2004, с. 60).

Детерминизм и неоднородность сообщений, аспекты общения в масштабируемых средах, представляют собой и условия развития лингвистического либерализма, который, в свою очередь, оказывает определенное влияние на методологию языкознания.

В XX в. на смену сравнительно-историческому методу в языкознании приходит познавательная практика структурализма, которая знаменует факт обретения собственного метода изучения материала отдельным разделом языкознания – структурной лингвистикой. В 60-е годы XX в. структурализм становится господствующей интеллектуальной парадигмой, традиционно отождествляясь с французским структурализмом. Познавательная практика структурализма обнаружила произвольность связи между словом и объектом или идеей, которые оно обозначает, что позволило Фердинанду де Соссюру, как считает Дж. Тош (Тош, 2000), прийти к выводу, что «язык является несвязанным явлением – речь и письмо следует рассматривать как лингвистическую структуру со своими собственными законами, а не как отражение реальности: язык – это не окно в мир, а структура, определявшая наше представление о нем» (Тош, 2000, с. 170). Из этого вытекало, что язык не является нейтральным и пассивным средством выражения, а управляется собственной внутренней структурой, следовательно, обладает приоритетом над опытом.

Э. Бенвенист считает, что странность программы Ф. де Соссюра состоит в том, что лингвистика должна определить самое себя в совокупности семиологических явлений, что однако придает ей и силу (Бенвенист, 2002). По мнению Э. Бенвениста, программный сбой теории Ф. де Соссюра видится в отсутствии четкого определения семиологического статуса высказывания и перехода от знака к высказыванию, отнесении высказывания к «речи» (« parole »).

Обнаруженная Э. Бенвенистом «незавершенность» теоретического построения Ф. Соссюра может быть снята признанием того, что в языке есть две разные области – семиотическая и семантическая, каждая из которых для своего изучения требует отдельного аппарата понятий. Основу исследования семиотической области языка должна составить соссюровская теория языкового знака, семантической области – новый аппарат понятий и определений.

Созданию нового аппарата понятий и определений современного языкознания предшествовало прагматическое исследование-использование ресурсов знаковой системы «язык человека» в двух направлений: а) разработка структур искусственного интеллекта, функционирование которых регламентировано диалоговой системой «человек-машина»; б) использование идеи синаптических связей (нейронных сетей) с целью активации коллективного семантического континуума в ходе проведения электоральных кампаний. Накопленный эмпирический материал, с одной стороны, способствовал стабилизации тенденций лингвистического либерализма, с другой стороны, сформировал достаточный базис (с учетом достижений СМД-методологии) для лингвистического моделирования профанного (бытового в противовес быпиевому-онтологическому) значения предельных сказуемых, или категорий.

Таким образом, лингвистика вошла окончательно в полосу отчуждения от самое себя, отдав на откуп лингвистическому перформансу, языковой компетенции и языковой игре право определять ее цели, задачи, а также функции по обслуживанию интересов отдельных репрезентантов человеческого социума или их совокупностей. Отсюда ее методологические установки детерминируются не столько внутренним устройством языковой системы и правилами ее реализации, сколько правилами создания языковых каркасов для новых абстрактных объектов.

Статус лингвистики в настоящее время сопоставим со статусом герменевтики, которая признается и наукой (об истолковании), и методом (интерпретации). Лингвистика, оставаясь наукой о языке, обретает статус метода концентрации эмпирических, теоретических, чувственных и рациональных знаний об объекте в единой, цельной картине, репликационной, т.е. копирующей, или дагеротипной, по своему характеру. Язык при регулярном использовании в качестве системы, обеспечивающей и поддерживающей функционирование языковых каркасов для новых абстрактных объектов, превращается в информационную систему, в которой, по утверждению А. В. Славина, любые сигналы становятся фактом сознания и запечатлеваются как ее элементы (Славин, 1971). Эта система должна поддерживать мыслительный процесс, де-

терминированный характером решаемой задачи, и обеспечивать ввод того или иного образа в готовую систему связей. Методы лингвистики в современной эпистемологической ситуации определяются модеративным, посредническим характером языка, обеспечивающего когерентность сообщества культур и пришедшего на смену ячеистой системе цивилизаций.

Лингвистический либерализм в современной эпистемологической ситуации представлен в трех формах технологий общения с пользователем русского языка: 1) моделирование имиджа избираемого в электоральных кампаниях; 2) презентация «человека властвующего»; 3) общение «человека властвующего» с народом, т.е. совокупным пользователем русского языка. В рамках лингвистического либерализма как коммуникативной техники реализуются теоретические принципы лондонской школы структурализма, касающиеся признания а) языкового употребления частью более широкого социального процесса; б) наличия детерминации языкового высказывания языковым и ситуационным контекстами; в) значения комплексом отношений в контексте ситуаций; г) языка совокупностью бесчисленного множества индивидуальных высказываний (языковых актов).

Принципиально модифицирующими языковое сознание пользователя русского языка следует признать положения, формирующие технологическое отношение к значению русского слова, русскому языку и слову как таковому. Жанры лингвистического либерализма «имидж-моделирование», «презентация», «общение» представляют собой среды формирования значения знака семиотической системы «русский литературный язык» и оформления новых принципов взаимодействия (сообщительности) пользователя русского литературного языка и текстовой реальности (Story Space) «русский литературный язык». Это те среды, которые осуществляют коммуникативный маркетинг знака (кинеморф), т.е. расширяют общественный спрос на коммуникативную форму и лингвистический знак.

Знак, обретающий функциональный статус кинеморфа (Эко, 1998), дифференцирует рамки решений (decision frame) и процедуру распознавания паттернов (pattern recognition). Кинеморфы маркируют свой способ артикуляции соотношения внешнего и внутреннего – «складывание», открывающее тяготение самоорганизующейся субъективности к будущему. Складывание позволяет адекватно описать, а следовательно, сохранить Память людей в ипостаси «абсолютной памяти внешнего», «зафиксировать» настоящее имя отношения индивида к себе» (Foucault, 1973) (демонстрацией последней процедуры является проект

2008 года телеканала РТР «Имя твоё Россия»). В процессе «складывания», как считает Ж. Делез, внутреннее конденсирует прошлое, но взамен сталкивает его с будущим, которое приходит из внешнего, меняет его и заново создает (Делез, 1995).

Лингвистический либерализм в области языковой политики представляет собой поиск срединного пути – пространства между дугами складки – между логическим мышлением и эстетическим восприятием. Следствием такого поиска, по мнению К. Леви-Строса, становится непосредственное, подобно вкусу или запаху, проявление логических свойств вещей, что однозначно зависит от строго определенной комбинации элементов: «будучи иначе выбраны и расположены, эти элементы могли бы вызвать ощущение совсем другого запаха» (Леви-Строс, 1999).

В контексте лингвистического либерализма меняется само существование языковой политики: от совокупности идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме осуществляется переход к совокупности интерпретационных процедур по отношению к тексту и коммуницирующей личности как тексту. Результатом интерпретационной процедуры является порождение другого текста. В контексте постмодернистской концепции дискурса комментарий трактуется как принудительная процедура, насильственно пресекающая извне свободное семантическое самодвижение текста.

Таким образом, лингвистический либерализм в настоящее время обретает форму интерпретационной процедуры, создающей условное изображение управляемого объекта как компонента системы действий, что оказывает безусловное влияние на особенности коммуникации с пользователем языка. Основные положения лингвистического либерализма как формы коммуникации представителей властвующих структур с пользователем русского языка можно свести к следующему: 1) выбор либеральной формы языкового существования, нейтрализующей славянскую фразу, что означает выбор качественно отличного от прежнего ракурса осмысления опытного содержания; 2) приоритет языкового менеджмента (не языковой культуры), обусловленный значимостью в современном обществе политических и культурных факторов; 3) введение нового языкового каркаса, построенного на основе асинхронных параллельных вычислений, или именованной системы переходов; 4) принятие в качестве базового языка построения инвенции вещного языка, требующего утверждения определенных предложений и веры в них; 5) дистрибуция функций лингвистического разума через дистрибуцию бадеинового сознания; 6) разработка технологий общения с пользователем русского языка; 7) создание сред, в которых осуществляется

коммуникативный маркетинг знака (кинеморфа) русского языка, т.е. расширяющих общественный спрос на коммуникативную форму и лингвистический знак.

В результате коммуникации, построенной по выделенным правилам, происходит модернизация идеоречевого цикла: меняется траектория движения от смысла к слову, осложненная введением кинеморфа, посредством которого государственный организм оказывает стохастическое влияние на смысл, функцию и приспособляемость потребителя языка к различным информационным средам.

Литература

Castells, M. (2000). Materials for an Exploratory Theory of Network Society. *Britain, Journal*, 5-24.

Foucault, M. (1973). *Archäologie des Wissens*. Frankfurt/M.

Keller, R. M. (1975). A Fundamental Theorem of Asynchronous Parallel Computation. In *Proclamation of the Sagamore Computation Conference Parallel Process. Lecture Notes on Computer Science* (vol. 24, pp. 194-206). Springer Verlag.

Merleau-Ponty, M. (1960). *Signes*. PUF.

Барт, Р. (1989). *Избранные работы: семиотика, поэтика*. Изд-во «Прогресс»/Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: semiotika, poëtika*. Izd-vo «Progress».

Бенвенист, Э. (2002). *Общая лингвистика*. Изд-во «Эдиториал УРСС»/Benvenist, È. (2002). *Obșaâ lingvistikă*. Izd-vo «Èditorial URSS».

Делез, Ж. (1995). *Логика смысла*. Издательский центр «Академия»/Delez, J. (1995). *Logika smysla*. Izdatel'skij centr «Akademiâ».

Деррида, Ж. (2000). *Письмо и различие*. Изд-во «Академический проект»/Derrida, J. (2000). *Pis'mo i različie*. Izd-vo «Akademičeskij projekt».

Карнап, Р. (2007). *Значение и необходимость: исследование по семантике и модельной логике*. Изд-во ЛКИ/Karnap, R. (2007). *Značenie i neobhodimost': issledovanie po semantike i model'noi logike*. Izd-vo LKI.

Куайн, У. В. О. (2003). *С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков*. Изд-во Томского университета/Kuajn, U.V.O. (2003). *S točki zreniâ logiki: 9 logiko-filosofskih očerkov*. Izd-vo Tomskogo universiteta.

Леви-Стросс, К. (1999). *Первобытное мышление*. Изд-во «ТЕРРА-Книжный клуб»/Levi-Stross, K. (1999). *Pervobytnoe myslenie*. Izd-vo «TERRA-Knijnyj klub».

Попов, П.С., Стяжкин, Н.И. (1974). *Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения*. Изд-во Московского университета/Popov, P. S., Stâjkin, N. I. (1974). *Razvitie logičeskikh idej ot antičnosti do èpohi Vozroždeniâ*. Izd-vo Moskovskogo universiteta.

Поппер, К. Р. (2002). *Объективное знание. Эволюционный подход*. Изд-во «Эдиториал УРСС»/Popper, K. R. (2002). *Ob'ektivnoe znanie. Èvolücionnyj podhod*. Izd-vo «Èditorial URSS».

Славин, А. В. (1971). *Наглядный образ в структуре познания*. Изд-во политической литературы/Slavin, A. V. (1971). *Naglâdnyj obraz v strukture poznaniâ*. Izd-vo politieskoj literatury.

Топорков, В. В. (2004). *Модели распределенных вычислений*. ФИЗМАТЛИТ/ Toporkov, V. V. (2004). *Modeli raspredelennyh vyčislenij*. FIZMATLIT.

Тош, Дж. (2000). *Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка*. Изд-во «Весь Мир»/Toš, Dj. (2000). *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika*. Izd-vo «Ves' Mir».

Хомский, Н. (2004). *Теория врожденных идей*. В *Философия языка*. Изд-во «Эдиториал УРСС»/Homskij, N. (2004). *Teoria vrojdennyh idei*. V *Filosofiâ âzuka*. Izd-vo «Èditorial URSS».

Эко, У. (1998). *Отсутствующая структура. Введение в семиологию*. ТОО ТК «Петрополис»/Èко, U. (1998). *Otsutstvuiùsaâ struktura. Vvedenie v semiologii*. ТОО ТК «Petropolis».